

Убийство на фехтовальной дорожке

20 мая олимпийскому чемпиону Владимиру Смирнову исполнился бы 61 год. Его жизнь оборвал смертельный удар, нанесённый спортивной рапирой.

Помните один из самых занимательных романов Агаты Кристи «Убийство на поле для гольфа»? Собственно, заголовок к своему очередному рассказу в персональной рубрике «В мемориз» Лев Россошик позаимствовал у известной писательницы, мастера детективов. Правда, в нашем конкретном случае для выяснения истины не понадобилось участия ни великолепного Эркюля Пуаро, ни тонкого психолога комиссара Мегрэ, ни всезнающего майора Пронина. Всё было просто и банально: убийство произошло на глазах десятков свидетелей в ходе чемпионата мира по фехтованию в Риме. Олимпийский чемпион немец Маттиас Бер нанёс смертельный укол олимпийскому чемпиону Владимиру Смирнову.

Случилось это 20 июля 1982 года.



Не знаю, как в Италии, но думаю, что юридические документы разных стран копируют друг друга. Только сроки наказания различаются. Так, в советские времена, когда собственно всё и случилось, в РСФСР существовала статья Уголовного кодекса «Непреднамеренное убийство». В наши дни лишение человека жизни без какого-либо умысла квалифицируется статьёй 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности» и наказывается исправительными работами либо лишением свободы сроком до двух лет.

«Паровой каток» с рапирой

А буквально за несколько недель до злополучного жаркого июльского дня в журнале «Советский воин» (выходил такой в те теперь уже далёкие времена) был опубликован мой очерк о Володьке Смирнове под названием «Атака». В самом его начале привёл выдержку из специального проспекта, выпущенного к чемпионату мира по фехтованию во французском городке Клермон-Ферране, проходившем за год до римского первенства, в котором характеризовались все наиболее вероятные соискатели наград. Вот что там было написано про Смирнова:

«Атлетичный, настоящий паровой каток на дорожке. Вместе с тем обладает совершенным техническим багажом. В сборную СССР попал поздно, в 1977 году, в возрасте 23 лет. В том же году занял почетное четвертое место на чемпионате мира в Буэнос-Айресе. В 1979 году был фаворитом мирового чемпионата в Мельбурне, но опять оказался не на пьедестале. Годом позже в Москве пошел на приступ олимпийской вершины. По окончании драматического перебора со своим соотечественником Александром Романьковым и французом Паскалем Жольо Смирнов был удостоен золотой медали. Ровно через 20 лет после Виктора Ждановича, первого советского олимпийского чемпиона по фехтованию на рапирах. Обладатель Кубка мира как лучший рапирист 1980 года».

Что и говорить, лестная, но вполне объективная характеристика. И насчёт «парового катка» французы вовсе не перегнули, а очень даже верно подметили. Рельефные мышцы, отличное сложение, прирождённый атлет. Силищи ему и впрямь было не занимать — в пылу борьбы в ближней схватке (по фехтовальному «кор-а-кор» — тело в тело) мог вывернуть руку, выбить чужую рапиру, даже перерубить клинок соперника. Нечто подобное собственно и произошло на дорожке римского палаццо.



Полный олимпийский кавалер

Его успех на московской Олимпиаде заслуживает отдельного описания. Рапиристы разыгрывали медали вечером 23 июля. Через предварительные бои в финальную шестёрку пробилась сразу трое советских мастеров — кроме Смирнова ещё Александр Романьков, к тому моменту уже пятикратный чемпион мира, и Сабир Рузиев, обладатель двух золотых медалей мирового первенства в команде и «личный» победитель чемпионата СССР как раз 1980-го.

По традиции соотечественники начинали «разборку» первыми. Смирнов пусть не без труда, но переиграл Романькова, следом Рузиева, затем поляка Леха Козиевского и румына Петера Куки. Препградой на пути к золоту встал француз Паскаль Жольо. Соперник повел 3:0. Но Володя, что было не раз доказано, умел вести себя в экстремальных ситуациях на редкость хладнокровно, словно ничего и не произошло. Смирнов почти догнал француза, но... бой пришлось прервать: Паскалю то ли на самом деле ногу свело, то ли это была имитация лёгкой травмы, к коим очень часто прибегали (да и сейчас не гнушаются подобных уловок) французы и итальянцы. Короче, Смирнов поостыл, упустил нить боя, а противник отдохнул и победил.

Теперь всё решалось без участия Смирнова. Романьков, уступив в первой схватке, выиграл три последующие. И теперь ему требовалось во что бы то ни стало обыгрывать француза, чтобы все трое затем приняли участие в перебое за награды. Проигрыш советского мастера означал однозначное чемпионство Жольо.

Романьков рисковал, но делал это осознанно и обстоятельно — 4:2. И в этот момент, когда для победы оставалось нанести один-единственный укол, наш рапирист заспешил и пропустил две атаки соперника кряду. Счёт сравнялся.

Сидя на трибуне, бросил взгляд на парочку, стоящую в тот момент неподалёку от дорожки в зоне разминки. Там Виктор Быков, тренер Смирнова, что-то настоятельно внушал ученику. Позже узнал, что именно говорил в столь ответственный момент опытный наставник: «Иди разминайся, Сашка выиграет этот бой. А после перебоя ты станешь чемпионом».

Нет, Быков не блефовал, не укреплял веру в своего воспитанника ради красного словца — этого никогда не требовалось. Тренер и впрямь не сомневался в успехе Смирнова, к которому они оба шли все последние годы.

А Романьков тем временем и впрямь нанёс решающий укол. И после отведённого правилами двухминутного отдыха всё ещё кипящий после предыдущего соперничества с Жольо добился перевеса в один укол над Смирновым.

Теперь уже Смирнова отделяло от главного боя с французом те же две минуты. Но, казалось, этого времени Володе было слишком много. Он не шёл — летел на помост, а потом устроил прилюдное избиение соперника на самой дорожке: клинок Смирнова жалил француза нещадно, а наконечник рапиры ничего не понимающего Жольо сверлил лишь воздух. 5:0!

Романьков же с таким же счётом неожиданно уступил французам и оказался третьим, Жольо соответственно вторым, а Смирнов стал чемпионом.

Через несколько дней в составе команды киевлянин завоевал серебряную медаль, а в завершении фехтовальной программы ещё и бронзовую, как запасной в сборной шпажистов. Так Смирнов стал полным кавалером олимпийских наград московских Игр. Но кто знал тогда, что эти Игры окажутся для него первыми и последними.

Монолог тренера Быкова

Уже упоминалось, что в фехтовальную сборную Смирнов попал поздно. Он и фехтование-то поначалу не признавал за настоящий вид спорта — оно с первого взгляда показалось парню из города Рубежное Луганской области скучным и нудным. До этого Володя и гимнастикой занимался, и в секцию бокса заглядывал, да и лёгкой атлетики не гнушался. И если бы не Евгений Сыромятников, приехавший в Рубежное выпускник Львовского инфизкульта, вряд ли Смирнов выбрал бы рапиру и белый фехтовальный прикид. «Для своих соперников ты всегда будешь неудобным соперником», — эта фраза первого тренера для юноши-левши оказалась таким паролем для прохода в большой спорт. Теперь уже Смирнова приходилось даже выгонять из зала: он ни в какую не хотел уходить, пока не исполнит все запрограммированные монотонные выпады — до тысячи ежедневно. К моменту, когда Володю призвали в армию, он выполнил уже мастерскую норму и стал чемпионом Украины среди юниоров.



Тогда-то Сыромятников и порекомендовал настырного паренька известному киевскому тренеру Виктору Быкову. Несколько месяцев опытный наставник испытывал новобранца. Причём задания придумывал наитруднейшие, постепенно увеличивая нагрузки. Смирнов стойчески выдерживал все испытания, не ныл, не жаловался, а безропотно выполнял указания тренера.

К тому же рядом был живой пример — ещё один воспитанник Быкова вице-чемпион мира Юрий Чиж, на которого Володя стремился походить во всем. Порой на дорожке в маске их трудно было отличить: и ростом, и манерой ведения боя, и то, что оба фехтовали левой рукой, — всё сходилось.

Постепенно пришли победы и на всесоюзном уровне. Но всё это были лишь первые шаги на главном направлении, верно выбранном тренером и спортсменом. Но в один прекрасный момент — так часто случается с молодыми способными ребятами, и не только в спорте (на себе испытал подобное же) — подававший надежды ученик подумал было, что теперь он кое-что значит сам, без тренера, что созрел, якобы, до того, что сам мог принимать решения. Тогда-то и произошёл между ними разговор, даже не разговор, нет, а короткий тренерский монолог.

Быков был, как всегда, прям и лаконичен: «Либо ты, несмотря ни на что, будешь всегда верить, что свой путь мы можем проделать только вместе и по отдельности ничего не стоим, либо ищи себе другого наставника. Мы же в таком случае останемся просто друзьями».

Какое решение принял Смирнов — очевидно. Но эта короткая размолвка, как часто бывает, ещё прочнее скрепила их союз.

Он никогда не был пай-мальчиком

Очерк в «Советском воине» заканчивался так, как в те годы требовали редакторы всех пропагандистских изданий — непременно на оптимистичной ноте:

«... Как только представлялась возможность, он брал в охапку своих малышей — уже совсем взрослого Димку и ещё маленькую Олечку — и вместе с женой Эммой отправлялся к своим родным в Рубежное. Лучшего отдыха он и не желал. А уж как были счастливы Виктор Дмитриевич, отец Володи, и Александра Михайловна, его мама, и говорить не приходится! Простые, (именно так, через запятую) рабочие люди: он — слесарь, она — пекарь на хлебокомбинате. Они привили сыну любовь к труду. И теперь труд дарил им счастье. Всем».

Не правда ли, подобный пассаж сегодня может вызвать лишь улыбку. Но в те годы иначе писать и нельзя было. Завершать же повествование тем более надо было с таким пафосом.

А уж упоминать о том, что иногда Володька не гнушался прикладываться к стакану, причём прилично, категорически запрещалось — какой пример мог показать большой спортсмен своим юным последователям. Хотя в фехтовальном окружении все об этом знали. И я в том числе. Или не дай бог рассказать или даже намекнуть, что Смирнов вообще не должен был лететь на тот чемпионат в Рим из-за проблем с таможней — в одном из предыдущих выездов за рубеж у спортсмена оказалась незадекларированная валюта, и он автоматически стал невыездным. Потребовалось вмешательство большого начальства с Лубянки, чтобы олимпийского и мирового чемпиона выпустили-таки на очередное большое соревнование.

Об этой детали и подробностях разыгравшейся в Риме трагедии мне тогда же, летом 1982-го, во всех красках живописал мой друг и учитель Игорь Образцов, который был специальным корреспондентом «Советского спорта» на том мировом первенстве.

Мозг не работал, а организм жил

Не могу ручаться сегодня за подлинность всего рассказанного коллегой — всё-таки много лет минуло с той поры. Но суть происшедшего передаю полностью.

Итак, на дорожке в командной встрече СССР — ФРГ сошлись лидеры сборных — Владимир Смирнов и Маттиас Бер. Оба высокие (причём немец повыше, вообще под два метра), коренастые, предпочитающие силовую манеру боя. Всё произошло в доли секунды, так, что уследить за деталями было невозможно. В какой-то момент, когда соперники сблизились и пошли в обоюдную атаку, обломился клинок Бера. Но немец, продолжая по инерции движение, обрубок рапиры пробил маску, и острое глубоко вошло в голову Володи через левую глазницу. Оказалось, клинок, точнее, что от него осталось, проник в мозг спортсмена на 14 сантиметров.

Об этом стало известно после обследования и сделанных снимков. Организм спортсмена продолжал жить автономно от головного мозга. Было очевидно, что в случившейся ситуации врачи бессильны чем-либо помочь. К этому пришёл и консилиум из лучших итальянских медиков. Геннадий Шибает, президент Федерации фехтования СССР (а я в те годы был членом президиума этого спортивного объединения), исполнявший обязанности руководителя советской делегации, рассказывал, что итальянские медики уговаривали его... продать здоровые органы Смирнова в качестве донорских. Подобное решение могли принять только самые близкие умершего. Но Эмма

прилететь и попрощаться с мужем не смогла — райкомовская парткомиссия не дала разрешение на выезд жене Володи. Судя по всему, в какой-то момент, поняв бессмысленность дальнейшего поддержания жизнедеятельности бессознательного тела, итальянцы отключили соответствующие аппараты...

По свидетельству всё того же Шibaева, медики по всей вероятности всё-таки использовали здоровые органы умершего на благородные цели: убедиться в этом возможности не было — цинковый гроб с телом Смирнова был запаян намертво.



Уголовное дело было заведено

Оказалось, истории, близкие к рассказанному, в те годы в фехтовании не часто, но происходили. Слава богу, обходилось без летального исхода. На тех же московских Играх соскочил наконечник рапиры у поляка Богуслава Зыха в бою с Владимиром Лапицким. И при исполнении «горбушки Свешникова» (я писал об этом приеме в самом первом материале под этой рубрикой) клинок скользнул по ребру и вышел из груди в каких-то трёх миллиметрах от

сердца. Буквально чудо спасло рапириста от гибели. Можно привести и другие близкие к этому примеры.

Трагический случай в римском дворце спорта заставил Международную федерацию фехтования срочно придумывать варианты усиления безопасности спортсменов от нелепых случайностей. Прежде всего изменились требования к инвентарю: появились костюмы из прочнейшей ткани «кевлар», маски из сверхпрочного металла, а позже и вовсе из непробиваемого стекла, практически не ломающиеся стальные клинки...

А уголовное дело и в самом деле было тогда заведено — смертельное ранение было зафиксировано, факт. Последовала и соответствующая реакция. Впрочем, итальянские следователи даже не стали брать показания у немецкого фехтовальщика. Да и о чём тот мог рассказать?

Бер несколько месяцев не выходил на дорожку, но потом все же продолжил карьеру и еще дважды становился чемпионом мира в командных соревнованиях, выиграл серебро в личном турнире на мировом первенстве 1987 года в Лозанне. И в Киев приезжал, ходил на могилу Володи Смирнова, рассказывают, горько плакал.

В одном из недавних интервью Маттиас, которому в этом году исполнится 60, признался, что вот уже более 30 лет живёт с тяжёлым чувством вины в непредумышленном убийстве, которое совершил.

[Лев Россошик, «Чемпионат.com», 20 мая 2015 г.](#)